

основываться на всех тех фактах, которые стали доступны в настоящее время. Факты эти нередко установлены благодаря частным исследованиям той самой буржуазной историографии, которая показала себя неспособной дать общее решение этой трудной проблемы. Исходным пунктом марксистской историографии в этом вопросе является анализ производственных отношений, составляющих самую суть римского рабовладения, а не рассмотрение изолированных фактов, сколь бы важны они ни были. Следует отметить, что успехи эпиграфики, а также некоторых других вспомогательных исторических дисциплин заставили даже буржуазных ученых в последнее время несколько расширить предмет исследования и признать, что многие из явлений, которые прежде ошибочно считались характерными только для Рима, имели в действительности более широкое распространение. Как пример можно привести работу Ф. Альтгейма, в которой — правда, уже после трудов советских ученых — отмечено сходство некоторых процессов, происходивших в период кризиса античного мира, с тем, что имело место в истории царства Сасанидов и «поднебесной» Китайской империи². Но Ф. Альтгейм не сделал, вернее сказать, не мог сделать обобщающих выводов о развитии человеческого общества и о переходном периоде от рабовладельческого строя к феодальному.

Из всего сказанного выше становится ясным, почему проблема перехода от античности к средневековью находится в центре внимания советской историографии, давшей за последние пять лет ряд ценных исследований, которыми отныне нельзя будет пренебречь, независимо от того, смогли ли их авторы или нет окончательно разрешить тот или иной вопрос, связанный с последним периодом истории древнего мира. Я имею в виду дискуссию, развернувшуюся с 1953 г. на страницах журнала «Вестник древней истории», в которой приняли участие Е. М. Штаерман, Е. Э. Липшиц, А. Р. Корсунский, А. Г. Гемп, С. И. Ковалев, А. П. Каздан, М. Я. Сюзюмов, Э. В. Удальцова и др.

Как сами статьи, так и предварительные выводы, сделанные редакцией журнала в первом номере за 1956 г.³, показывают, — да это и совершенно естественно, — что в основном советские историки придерживаются общей точки зрения и утверждают, что зарождение первых элементов будущих феодальных производственных отношений имело место в недрах рабовладельческой Римской империи, но в оценке отдельных сторон исторического процесса IV—V вв. они значительно расходятся. Например, пока еще в среде советских историков не нашел единодушного разрешения вопрос о существовании мелкой земельной собственности в Римской империи, и тезису о ее укреплении в IV—V вв. противостоит другой тезис: в эту эпоху имел место рост крупной земельной собственности как в результате захватов владений мелких деревенских собственников, так и за счет земель, принадлежавших городским жителям, в первую очередь декурионам. В таком же положении находится и еще более сложный вопрос о степени созревания феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого общества. Нельзя не признать несколько схематичным и тот классовый анализ римского общества, который мы видим у некоторых советских историков, различающих зависимое крестьянство, очень ограниченное число свободных крестьян, куриалов — единственных рабовладельцев в классическом смысле слова — и, наконец, крупных феодализирующихся земельных собственников. Пока еще также остается недостаточно разработанным вопрос о характере социально-экономических отно-

² F. Altheim. Die Krise der antiken Welt, Bd. I. Berlin, 1943.

³ См. „Проблема падения рабовладельческого строя“, ВДИ, 1956, № 1, стр. 3—13, и указанную там литературу.